

станиях, однако в 1870-х гг. она начала уступать место критическому патриотизму варшавских позитивистов и краковских консерваторов. В межвоенный период в фокусе политики памяти оказалось «чудо над Вислой» — отражение наступления Красной армии в 1920 г. Все следы русского присутствия в Варшаве систематически уничтожались. Образ Польши как «Христа народов», противостоящего русскому и советскому империализму, возродился в идеологии партии «Право и справедливость», долгое время оказывавшей значительное влияние на политику страны. В последние годы любая сложность и неоднозначность истории русско-польских отношений XIX–XX вв. вытеснена исключительными по агрессивности лозунгами борьбы с «империей зла». В России тоже есть желающие вернуться в русло «боевого историописания».

Рассматриваемая книга не следует ни одной из этих традиций. Она открыта для обсуждения и предлагает спокойный, взвешенный тон дискуссии. В этом Болтунова близка к авторам недавних публикаций в серии «Historia Rossica» (Д. Сталюнасу, М. Рольфу и др.), которые демонстрируют возможность уравновешенной дискуссии о русско-польских отношениях имперского периода⁹. Остаётся только пожелать, чтобы дискуссия и продолжалась в русле спокойного анализа сложной темы, воздерживаясь от конфронтационной примитивизации.

Денис Сдвижков: История российско-польских отношений как история эмоций

*Denis Sdvizhkov (European University at Saint Petersburg, Russia):
The history of Russian-Polish relations as history of emotions*

DOI: 10.31857/S2949124X24060089, EDN: RMFITW

Один из ключевых факторов в определении исторической судьбы Восточной Европы — польско-российские взаимоотношения — после разделов Речи Посполитой и включения её территорий в состав Российской империи приобрёл форму «польского вопроса». Политика российских властей не только направляла жизнь поляков на протяжении «долгого XIX века», но и в значительной степени служила индикатором социальных и культурных процессов в самой империи. Справедливо поэтому утверждение, что рецензируемая «книга не о Польше. Она о России» (с. 23). Её оптика определена задачей, которая в современной обстановке кажется более чем нетривиальной: вернуть в «деколонизированную» и «децентрализованную» историю российско-польских контактов перспективу имперского центра (с. 23–26).

Е.М. Болтунова напоминает, что «Польша нежная, где нету короля» (О. Мандельштам), такового в XIX в. хотя и недолго, но всё же имела. Сюжетный стержень книги — вытесненный последующими событиями из исторической памяти эпизод коронации Николая I в Варшаве в период существования «Конгрессовки» — учреждённого на Венском конгрессе автономного Царства Польского, находившегося в личной унии с Российской империей и пользовавшегося широкой автономией.

⁹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М., 2020; Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022. Подробнее об этих книгах см.: Кретов В.А. Польский вопрос в Российской империи в последних изданиях серии Historia Rossica // Славянский альманах. 2024. Вып. 1–2. С. 427–453.

В методологии очевидно следование «сценариям власти» Р. Уортмана и, в широком смысле слова, исторической семантике — истории ключевых понятий/дискурсов в вербальных и невербальных формах. Болтунова давно и плотно занимается этой темой, в том числе применительно к отношениям центра и периферий. Как следствие, формулировки отточены, дан мастерский анализ «языка коронации», включая такие его аспекты, как эмоциональный (посредством категорий «доблесть/храбрость», «вина», «любовь», «братство») и пространственный (например, организация движения кортежа в Варшаве или мизансцены тамошних торжеств). Пристальный взгляд позволяет увидеть разницу взглядов на церемонию имперского центра и местных властей.

Книга следует обратной хронологии: действия Николая I соотносятся с контекстом российско-польских отношений начиная с рубежа XVIII—XIX вв., прежде всего с политикой его старшего брата Александра I. Попутно привлекается нетривиальный или вовсе неизвестный материал, выявленный в архивах России, Польши и Финляндии. Очень интересны анализ статуса и роли другого старшего брата императора, вел. кн. Константина — представителя Петербурга в Польше, который зачастую транслировал польскую позицию, или разбор финансово-бюджетных и политических отношений между Царством Польским и Российской империей (с. 301–319).

В интерпретации Болтуновой «польской политики» Александра I доминирует эмоциональная составляющая: по её мнению, заложенное воспитанием «западничество» и круг общения обусловили полонофильство монарха и, как следствие, стремление загладить «великое политическое преступление, совершённое с Польшей» Екатериной II (с. 58, 329). Ярким проявлением такого отношения явились прошение и забвение участия Польши в наполеоновских войнах, прежде всего на территории России. Болтунова указывает на существенное различие «коммеморативных практик» в империи и Царстве (с. 332–333). Полонофильство привело Александра I к убеждению в цивилизационном превосходстве Польши и критической оценке степени зрелости общества в России, с которым у императора в 1807–1812 гг. наметился явный конфликт. Как пишет автор, «глубокая обида толкала Александра на поиск новых подданных, которые были бы безусловно лояльны, не помнили бы его недавнего откровенного бесчестия и не говорили бы за его спиной о последнем дворцовом перевороте» (с. 269).

Таким образом, отношение Александра I к Царству после 1815 г. — не выражение имперского универсализма и «духовного переворота» в его мировоззрении, а «инструмент воздействия или практика манипуляции, призванная лоббировать продвижение определённой политической доктрины» (с. 327). Его суть — односторонние уступки полякам в призрачной надежде завоевать их расположение и сделать из них «защитников, охранителей границ России» (с. 354). Легитимистские убеждения Николая I заставили его следовать завещанию брата. Но этот компромисс не удовлетворил никого: ни испытывавшего к нему внутреннее «отвращение» молодого государя, ни его польских подданных, которые, как писал из Варшавы П.А. Вяземский, видели в навязанном порядке «конституционные сени в деспотических казармах». Тем не менее Ноябрьское восстание 1830 г. застало всех врасплох и имело важные последствия: вслед за польским обществом имперское начало разворачиваться в сторону национализма.

Роль эмоций в российско-польской истории переоценить невозможно, категории вины, признательности или неблагодарности до сих пор занимают

в ней центральное место, обращение к этому аспекту международных отношений безусловно оправданно. В то же время тезисы книги вызывают различные вопросы и соображения. Можно отметить, что Александр I привечал не только поляков (вспомним знаменитое, хотя и полулегендарное высказывание А.П. Ермолова: «Государь, сделайте меня немцем!»). Кроме того, взятая в динамике, «польская политика» императора столь же неровна, как и курс в прочих областях, и плохо поддаётся выстраиванию интерпретационных моделей. Автор сама вынуждена отметить, что на рубеже 1810–1820-х гг. отношение российского монарха к своему детищу изменилось на фоне общего поворота к консервативному курсу, что очевидно при сравнении его речей на открытии первого (1818) и второго (1820) сеймов Царства Польского. Риторика примирения в те времена касалась не только поляков, но и остальных бывших союзников Наполеона, т.е. практически всех немецких государств, не говоря уже о самих французах. Для войн донациональной эпохи переход на другую сторону — дело обычное, более того, как справедливо отмечено в книге, в 1814–1815 гг. он вписывался в «распространённую риторику общеевропейского братства и единения всей Европы против Наполеона» (с. 352).

Книга наталкивает на размышления о соотношении субъективного и эмоционального в имперской политике с общей логикой развития империй. Проблема интеграции приобретённых территорий при «расширении империи на Запад» (с. 16–17) возникла отнюдь не с разделами Польши. Так, хотя остзейские губернии не имели самостоятельной государственности, их «немецкая цивилизация» оценивалась выше польской не только в России, но и в Западной Европе, что создало проблему подчинения «культурной» периферии «отсталому» центру. Несмотря на это, тамошнее дворянство удалось инкорпорировать в российскую элиту, не вызвали конфликтов и уступки местным реалиям (отмена крепостной зависимости в 1816–1819 гг.). В Остзейском крае опробовался и переход от универсализма имперского дискурса к его «национализации», сопровождавшийся унификацией управления территориями.

Насколько уникальным было отношение имперского центра к Польше? Вопреки мнению автора оно вполне сравнимо с подходом к другой только что присоединённой западной провинции — Финляндии. Конституционное устройство в Великом княжестве автор объясняет «традиционным для российских императоров признанием существующих прав и привилегий присоединённых областей» (с. 382). Но следует обратить внимание на то, что и решение Александра I о даровании конституции Царству Польскому обосновано в его речи 1818 г. «порядками, существовавшими в вашей стране» (*l'organisation, qui était en vigueur dans votre pays*), а Конституционная хартия позаимствовала без изменений ряд положений наполеоновской Конституции Герцогства Варшавского.

После победы над Наполеоном статус России как «европейской державы», на который претендовал ещё Пётр I, оказался неоспорим. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением Болтуновой, что только приобретение Польши и Финляндии сделало её «по-настоящему цивилизованной страной» (с. 381). В наступившем веке главным оценочным критерием стал уровень общественно-политического развития, выражавшийся в новых понятиях «цивилизация» и «дух времени»¹⁰.

¹⁰ См.: Велижев М.Б. Цивилизация, или Война миров. СПб., 2019.

Анализ финансово-экономических отношений между центром и польской периферией (с. 302–304) наводит на мысль о том, что в отношении Царства проводилась политика кнута и пряника. В книге это интерпретируется как молчаливое признание политической субъектности и цивилизационного превосходства новых подданных по сравнению с «природными». На деле здесь проявилась извечная дилемма империи: необходимость обеспечить лояльность окраин путём правовых и финансовых послаблений неизменно ведёт к росту их самосознания и претензиям на самостоятельность. Польское предприятие оказалось финансово невыгодно центру уже при Екатерине II¹¹; весь XIX в. открывшийся Польше рынок сбыта и услуг превращал империю в «идеальную арену для зарабатывания денег» (С. Жеромский). Долговременность этой схемы видна по эпилогу книги, в котором рассказано о «подарках» И. Сталина «народной Польше» от разрушенного войной СССР.

Интересен раздел о поиске альтернативных путей интеграции Царства при Николае I. Это, среди прочего, выстраивание образа общего врага (Турции), имеющее богатую предысторию (ещё с XVII в.). Попытка конструирования «братства по оружию» между «храбрыми» славянскими народами имела продолжение в 1943 г. организацией Войска Польского в составе РККА. В этой связи любопытно, что русские стратегические соображения, отводившие Польше роль «нашей передовой стражи» (с. 354), выглядят как инверсия давнего представления поляков о себе как об *antemurale christianitatis* (плацдарма [латинского] христианства) на Востоке. Решение Александра I «забрать» Центральную Польшу можно рассматривать не только как ситуативное, но и с точки зрения рациональной *Realpolitik* и долгосрочного имперского курса в духе Дж. ЛеДонна — как стратегию буфера, «санитарного кордона» с востока. Эти действия — логическое продолжение разделов Польши: континентальная империя не могла (и не может) предоставить сопредельные территории самим себе во избежание их ухода из-под её контроля.

К тексту, помимо отдельных повторов, есть несколько мелких замечаний. Наименование себя «греко-католиком» (*catholique grec* в оригинале) не говорит о влиянии на вел. кн. Константина католичества (с. 57). Это обычное обозначение «греко-кафолической», т.е. православной Церкви, причём не только во французском, но и в тогдашнем русском языке. Режим занятия земель и прохождения войск во время Заграничных походов (отказ от размещения войск в крупных городах, выдача квитанций по реквизициям и т.п.) являлся тогда общепринятым и ничем не выделял Польшу среди прочих территорий (с. 283); случай с фрегатом «Рафаил», сдавшимся без боя туркам (с. 361), несоразмерен с прощением поляков после 1814 г., поскольку сдача корабля прямо противоречила действовавшему тогда петровскому Морскому уставу, который специальной присягой обязывал капитана ни при каких обстоятельствах не спускать Андреевский флаг.

В заключение же ещё раз подчеркну: сказанное представляет собой развитие и дополнение тезисов автора, а то, что эти размышления появились, — лучший показатель умной и зрелой книги.

¹¹ Западные окраины Российской империи. С. 75.